УДК 323.329:94(470)"18/19"

П. Н. Базанов

Интеллигенция в творчестве Н. И. Ульянова[1]

Николай Иванович Ульянов (1904–1985) – крупнейший представитель второй русской эмиграции. Более всего он известен как историк, но его работы по философии, культурологии, филологии вызывают большой интерес в научном сообществе. Отношение Н. И. Ульянова к «интеллигенции» ранее почти не освещалось в научной периодике. Раскрывается, что историк понимал под термином «интеллигенция». Показано его отношение к роли интеллигенции в истории России XIX–XX вв.

Ключевые слова: Н. И. Ульянов, эмиграция, культура, интеллигенция, революция, интеллектуалы

Petr N. Bazanov

Intelligentsia in works by N. I. Oulianoff

Nikolai Ivanovich Oulianoff (1904–1985) is the largest representative of the second Russian emigration. He is probably best known as a historian, but his work in philosophy, cultural studies, philology are of great interest in the scientific community. Oulianoff's ratio to the «intelligentsia» almost no coverage in the scientific press previously. Reveals his meaning by the term «intellectuals». His attitude to the role of intelligentsia in the history of Russia 19–20th centuries is shown.

Keywords: N. I. Oulianoff, emigration, culture, intelligentsia, revolution, intellectuals

Центральными в отношении Н. И. Ульянова к интеллигенции являются статьи «Ingorantia est» (существующая в двух вариантах первоначально напечатанная в альманахе «Воздушные пути»[2] и переделанная и сокращенная для сборника «Диптих»[3]), «Интеллигенция»[4] и «Необъяснимое»[5]. Работы историка вызывали горячую дискуссию, которую можно сравнить только с реакцией на знаменитые «Вехи». Более всего, оппонентов – представителей социалистического лагеря – обидели две идеи Н. И. Ульянова. Первая – моральная ответственность революционной интеллигенции за сталинский террор и в основном направленность репрессий именно против народа, а не интеллигенции. В современной малонаучной публицистике два непримиримых лагеря «либералы» и «неосталинисты» удивительным образом выгораживают одну концепцию – революционные репрессии были направлены против интеллигенции и национальных меньшинств, а не против русского народа. Н. И. Ульянов как очевидец событий декларировал: «Холодная обдуманность и ассирийская жестокость, проявленные в уничтожении крестьян в годы коллективизации и рабочих при Ежове, отличаются по характеру от массового избиения дворян, старого чиновничества и офицерства»[6]. Любая революция истребляет своих неудачных предшественников, «круглоголовые» вырезали «кавалеров» в Англии XVII в., а «граждане» аристократов во Франции XVIII в. и т. д. «„Вешать аристократов“ – застарелая традиция европейских революций; никакого нового слова тут большевики не сказали», – пишет Н. И. Ульянов[7].

Отметим и хорошо известное самоистребление революционной элиты после любой революции: «Революционеры после революции – пауки в банке», «Все животные равны, но есть животные ровнее всех», «Это вчера он был красой нашей революции, а сегодня оказался врагом народа» и т. д. По Н. И. Ульянову, новаторство большевиков заключается не в казни монарха или даже его жены, а в истреблении детей, слуг и даже случайных свидетелей. В конце концов невольными свидетелями оказывается бóльшая часть населения страны. «Оригинальность их (большевиков. – *П. Б.*) террора заключается в убийстве миллионов людей тех классов, во имя и для счастья которых учреждена коммунистическая власть в России. На гильотину отправили собственное божество – предмет давних поклонений. Нигде, кроме России, народ не окружался ореолом святости, нигде не возжигалось ему столько курений»[8]. Н. И. Ульянов напоминает совершенно банальные факты из нашей истории. «Как только божество отказалось пойти в колхоз и проявило неуважение к стахановщине и сверхударным темпам работы, его постигла судьба всех прочих врагов коммунизма»[9].

Вторая идея – народ был не только предметом обожествления у эпилептиков революционного движения, но и презрения одновременно. Представители революционной секты никогда не скрывали своей ненависти к российской государственности, русской культуре и как ни парадоксально породившему их народу. Восприятие русского человека как прирожденного раба, основы всех деспотических режимов переко-

чевало из XIX в. в XX в. от Н. Г. Чернышевского и В. И. Ленина к деятелям третьей эмиграции и «демократам» 1990-х гг., затем и к «либералам» XXI в. Если революционеры в начале века ругали народ России за нежелание строить «светлое царство социализма», то в конце столетия за противодействие его уничтожению. Историк еще в 1959 г. четко отметил: «Если большевики расстреливают и ссылают его (русский народ. – *П. Б.*) в тайгу за нежелание строить коммунизм, то в эмиграции осуждают за то, что он этот коммунизм строит»[10]. Порой проявляется мало понятное «прозрение»: «В России коммунизм строят внуки крепостных рабов и дети отцов, которые сами пороли себя в волостных судах»[11]. Автор этих строк не какой-нибудь маркиз де Кюстин и не профессор А. Л. Янов, а талантливейший философ, историк-медиевист, социал-демократ, живое воплощение русского интеллигента Г. П. Федотов. «Какой пролетарий во Франции добровольно вернется в крепостной серваж?»[12]. «Русский же, по мнению Федотова, идет в коммунистическое рабство охотно», – восклицает Н. И. Ульянов[13].

Подобное презрение заставляет поставить самый простой вопрос: А была ли когда-либо любовь революционной интеллигенции к русскому народу, а если была, то когда и как появилась? И сам Н. И. Ульянов иронично отвечает: «Возлюбила она (интеллигенция. – *П. Б.*) русский народ после открытия барона А. фон Гакстгаузена у нас поземельной самоуправляющейся общины, понятую как зародыш социализма. Книга открыла, что социализм – не на родине прославленных Вейтлингов, Прудонов, Луи Бланов, а в стране Бакуниных, Чернышевских; не красочные герои парижских баррикад, а серые пермские мужики оказались тем коленом левитовым, которое сохранит и принесет миру правую социалистическую веру. Мужик русский, неожиданно, выступил в роли носителя мировой „бациллы социализма“. Только за это, а вовсе не самого по себе, его полюбили»[14].

Убежденный патриот-западник Н. И. Ульянов ставит еще один вечный «русский вопрос» – о прогрессивности интеллигенции и выказывает уже совершено еретическую мысль о ее западничестве: «Она же такова: интеллигенция „никогда… не представляла у нас европейского начала, разве что в своем воображении. Она порождена высокоодаренным, но глубоко отсталым народом, она – выражение его тысячелетней беды – отсталости“»[15]. Далее Н. И. Ульянов гиперболически усиливает свою мысль: «Вслушайтесь, вслушайтесь – прославленная нами и известная всему цивилизованному миру русская интеллигенция есть не что иное как „выражение тысячелетней беды“ России – ее культурной отсталости»[16]. Историк не был единственным в своих предположениях. Совершенно независимо от него солидарность в этом вопросе проявлял известный писатель, «азиец» Всеволод Иванов. Приведем его прекрасное определение западничеству нашей интеллигенции: «Интеллигенты не были западниками в том смысле, в котором надо понимать лишь это слово, нет они просто шаманили, эти лесные люди, оборотясь на Запад»[17]. «Драма русской интеллигенции не религиозная и не социальная. Это драма культуры и просвещения. Обвиняя своего антипода – самодержавие в обскурантизме, в азиатчине, интеллигенция сама являла особый вид обскурантизма»[18]. Главный редактор журнала «Возрождение» князь С. С. Оболенский так характеризовал взгляды историка: «Н. И. Ульянов объясняет „победу утопической стихии в октябре“ предшествовавшими ей в течении почти целого столетия „умственными беснованиями, умственной взлохмоченностью, безответственностью мысли“. Но это и есть невежество и антикультура. „Никогда она (интеллигенция) не представляла у нас европейского начала, разве что в своем воображении“. На деле был только, „по примеру Белинского, бег с высунутым языком за колесницей чужой мысли“. Остро сказано? Конечно, и, вероятно, не всякому понравится»[19].

Действительно, известный меньшевик Г. Я. Аронсон, в целом лично хорошо относившийся к Н. И. Ульянову, писал: «Недавно мне пришлось в одном из писем в редакцию Н[ового]Р[усского]Слова прочитать гневные строки одного из читателей, вызванные докладом Н. И. Ульянова о Чаадаеве и его новыми нападками на русскую интеллигенцию. К сожалению, на докладе этом Ульянова я не был и не слышал его последних выступлений, направленных против интеллигенции. Но в сущности взгляды Н. И. Ульянова по этому предмету давно известны по его статьям в альманахе „Возд[ушные] пути“ и в „Н[овом] Р[усском] слове“. По-видимому, он остается и сейчас верным этим взглядам по вопросу, который сохраняет свою значительность для широких кругов читателей. Да будет позволено воспользоваться письмом в редакцию, о к[ото]ром выше упомянул, как поводом, для того чтобы еще раз по возможности спокойно, без полемических излишеств противопоставить утверждениям Ульянова другую точку зрения на роль и значение рус[ской] [зачеркнуто] интеллигенции в русск[ом] лит[ературном] процессе»[20].

Причина презрения интеллигенции к русскому народу лежит на поверхности: «Революционная интеллигенция в душе всегда была согласна с уваровской формулой „официальной

народности". Россия и революция для них были вещи несовместимые»[21]. По мнению историка, наша интеллигенция не имела кровного родства с народом. Действительно, по мнению революционеров, народ в Российской империи – темная отсталая масса, а «русская народная культура» – словосочетания, лишенные смысла. Только этим и объяснима популярность теории «герой и народ» в революционных кругах. Герой (как хрестоматийный Данко у М. Горького), которй тащит в счастливое завтра глупый, безынициативный народ, стал любимой схемой жизни для интеллигентов многих поколений. В начале XX в. схема была усовершенствована В. И. Лениным: «партия» (т. е. сам Ильич) и пролетариат, а И. В. Сталин вернул ее на прежнее место: «Вождь» (сверхгерой) и бесправные народы.

В этом и состоит ответ на загадку, откуда берется нерациональная и необъяснимая ненависть к Родине, к России. Ненависть к отечеству, «грех матереубийства» – плод сектантского «умозрения», как у Чаадаева, так и у Ленина. «„Наплевать" на Россию, принести ее с легким сердцем в жертву безумному эксперименту, воспользовавшись помощью воевавшего с Россией государства – ничего ему не стоило», – пишет о Ленине Ульянов[22].

Историк противопоставлял этой малоприятной «интеллигентской» тенденции позицию писателя М. А. Алданова. «Но в любви его (Алданова. – *П. Б.*) ничего нет от эмигрантской тоски по извозчикам, по русскому снегу, русской грязи, по галкам, по колокольням, по свечечкам да вербочкам. Нет и блоковского, исходящего кровью сердца, ни Христа, ни Антихриста, ни исступленного поклонения „в грязь лицом", ни „священного гнева". Алданов любит Россию историческую – великий синтетический образ, найденный не одним сердцем, но и долгим изучением. Это любовь философа, чуждая страстных порывов, ровная, зато постоянная и глубокая»[23]. Именно такой любви всегда не хватало России. Как надоели нам и пророческий бред о ее великом предназначении, и «ненавидящая любовь» Чернышевского, и проклятия многочисленных Печориных! Почему непременно надо эту страну либо по-сумасшедшему любить, либо так же по-сумасшедшему ненавидеть? Или еще: существует приятие или неприятие ее «по частям»: народ – богоносец, правительство – исчадие зла. Другой вариант: государственное начало – перст провидения, народ – подлая чернь. Одни периоды ее истории принимаются, другие вызывают ненависть. И не было еще, пожалуй (разве что Пушкин), целостного любовного восприятия России в ее истории, ее географии, в ее духе[24].

Неизменным уже третий век остается и мессианский энтузиазм представителей интеллигенции, походящий до чисто религиозного бесноватого фанатизма. Н. И. Ульянов отмечает и радикальную экзальтированность революционной интеллигенции, выражавшееся не только в политике и философии, но и обыденной жизни. «Эмигрантские колонии в Лондоне и в Швейцарии, шестидесятничество, студенческие забастовки, хождение в народ, народовольческое, потом эсеровское подполье, нечаевщина, ленинское сектантство, все сколько-нибудь значительные проявления интеллигентской активности, все они отличались той взвинченностью, одержимостью, беснованием, которое впервые появилось в русском обществе в 1930-х гг.»[25]. Действительно, прямо «Бесы», по Ф. М. Достоевскому. Историк независимо от своего оппонента Г. П. Федотова пишет: «Душевная его приподнятость вряд ли может быть выражена словом „неуравновешенность", она доходила до экстаза, до галлюцинаций. Аналогию ей Овсянико-Куликовский находит в атмосфере самовозбуждения мистических сект»[26]. Г. П. Федотов еще в 1938 г. в первом «Письме о русской культуре: русский человек», дав блестящее определение четырем типам русского национального характера, приводя определение русской интеллигенции (из так называемого «ордена»), справедливо указывал на родство с многочисленными сектантами (раскольниками, бегунами, странниками и т. д.)[27] и богоискателями. Отсюда та же непримиримость к чужому мнению, бескомпромиссность, сверхубежденность в своей исключительной правоте, демонизации мира и оппонентов и полная общественная десоциализация. Единственное исключение, обличающее от религиозной секты, – вера не в бога, в Запад и Революцию: «Бредовый романтический мир, возникший между Моховой и Маросейкой, был создан не религией, не христианством, а философией»[28].

Главным же в позиции Н. И. Ульянова было обвинение радикальной интеллигенции XIX – начала XX в. в некультурности! Традиционно любого, хоть чуть-чуть объективного, даже не исследователя – наблюдателя – поражала серость и невежество революционной интеллигенции. Верхоглядство, поверхностность суждений и вопиющая неначитанность в сочетании с необоснованным апломбом – вот основа для этого слоя. Н. И. Ульянов отмечает: «Подавляющее число бесновавшихся осталось дилетантами и невеждами»[29]. Даже само эссе «Ignorantia est» лучше перевести с латыни как «невежество», а не «Неназываемое есть» или «Умолчание есть», как считает профессор А. А. Ермичев[30].

Как! – воскликнет читатель. Интеллигенция и серость, интеллигенция и невежество, интеллигенция и некультурность – понятия априори

неслияемые и взаимно противоположные? В XX в. под термином «интеллигенция» стали понимать совершенно разные явления. Сам Н. И. Ульянов написал так: «Ясности не придает и различное толкование слов – „интеллигенция“ – социальный слой, общественный образ поведения, уровень культуры, синоним интеллектуализма и др. Невозможно спастись и от плоской болтовни, вызванной путаницей в употреблении самого слова „интеллигенция“! В одних случаях это делают по недоразумению в других сознательно»[31]. Н. И. Ульянов пытается самостоятельно разобраться: «Путаница началась после революции, когда пробил час исторического существования той общественной группы, что именовала себя интеллигенцией. С этих пор и в Советском Союзе, и в эмиграции слово это стало произноситься чаще в общеевропейском понимании. В СССР в 1930-х гг. официально установился взгляд на интеллигенцию как на людей умственного труда, будь то академик или писарь и счетовод. Те из новых эмигрантов, чья сознательная жизнь началась с эпохи пятилеток, ни о каком другом понятия не имеют. Не знают, например, что Победоносцев, несмотря на профессорское звание, ничем кроме возмущения не ответил бы на слово „интеллигент“ в приложении к нему. Никому и в голову не приходило называть так его. Академика Шахматова не прочь были зачислить в интеллигенты, но другого, столь же знаменитого академика Соболевского – ни под каким видом. Зато недоучившийся студент или семинарист, полуграмотный крестьянин-самоучка мог носить мундир русского интеллигента. Для этого требовались качества, отнюдь не связанные с умственным трудом либо с умственными способностями»[32]. Действительно, общеизвестно, К. П. Победоносцев за обращение в его адрес – «интеллигент» мог и публично дать пощечину, воспринимая это слово как синоним «революционер». В качестве лучшего доказательства подтверждения своим идеям Н. И. Ульянов приводил в пример мнение Р. В. Иванова-Разумника: «Взять хотя бы известную „Историю русской общественной мысли“ Иванова-Разумника, написанную типичным „интеллигентом“. Там на протяжении обоих томов упорно проводится мысль об интеллигенции как об особой группе, отнюдь не совпадающей со всей массой образованных людей, тем более людей науки, литературы, музыки, техники. Напротив, старательно подчеркивается, что ни талант, ни знание не делают еще человека двигателем прогресса. Интеллигенция, по его словам, „есть этически – антимещанская, социологически – внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризуемая творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и личному освобождению личности“»[33].

К сожалению, только во второй выше цитированной статье «Интеллигенция» Н. И. Ульянов, поясняет, что имел ввиду под этим термином: это «Орден русской интеллигенции» («штаб русского революционного движения», по образному выражению Р. В. Иванова-Разумника). Тогда становятся и понятными идеи из «Ingorantia est»: «„Орден русской интеллигенции“, который часто путают с социальной группой, живущей за счет профессиональных и творческих знаний и умений, имел все признаки секты. Та же экзальтированность и неуравновешенность, бредовый романтизм, что возник между Моховой и Маросейкой». В России она сыграла роль создательницы «ордена русской интеллигенции»[34]. «Здесь важно подчеркнуть ее единственную неповторимую роль в истории русской общественности – роль создательницы „ордена русской интеллигенции“»[35]. Левых всегда обвиняли, что они самопроизвольно выкидывают из «интеллигенции» правых русских интеллектуалов, исключительно из конъектурных политических соображений. Вывод можно сделать однозначный: «орден русской интеллигенции» – это и есть революционная, радикальная интеллигенция, которая имеет мало общего с просвещенным, культурным слоем интеллектуалов в России.

Индивидуальной чертой Н. И. Ульянова как мыслителя, отличающего его от «веховской» школы, была искренняя преданность экспериментам декадентов, «искусству ради искусства» и презрение к «кентаврам общественности». Писателей и поэтов, вполне преданных своему искусству, к интеллигенции не причисляли. В 1860–1880-х гг., когда это слово возникло и пользовалось наибольшей популярностью, они служили примером того, кем не должен быть интеллигент. Имена Пушкина и Лермонтова как раз считались самыми одиозными. Отмечали и «кабинетных ученых». За ничтожным исключением, вся русская литература, наука, весь артистический мир были отлучены от «интеллигенции» ее учителями и вождями. Со своей стороны, и деятели русской культуры платили столь же неприязненными, брезгливыми чувствами. Особенно не терпел ее А. П. Чехов: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже когда она страдает и жалуется»[36]. «С возникновением „Мира искусств“, с началом русского культурного ренессанса, произошло окончательное разделение между „передовой общественностью“ и передовой культурой. Серебряный век занял воинственную позицию в отношении интеллигенции, подобно тому, как она сама была воинственна к „золотому“, пушкинскому веку»[37].

Вместо научного, объективного или хотя бы корректного обсуждения эссе Н. И. Ульянова вместо дискуссии в русском зарубежье развернулась настоящая полемическая буря. К «Вехам» в начале XX в. отнеслись очень пристрастно – «общественность негодовала», «Сатирикон» публиковал карикатуры, П. Н. Милюков устроил целое лекционное турне для опровержения идей сборника. Лидер эсеров В. М. Чернов в течение нескольких лет писал критические статьи с партийно-политических позиций, называя «Вехи» «самой реакционной книгой». Он протестовал против позиции «веховцев», возлагавших на революционно-демократическую интеллигенцию ответственность за кровавые жертвоприношения (террор), грабежи (эксы) и погромы, которые привели к разрушению человеческой морали в России. Особенно тенденциозным и пристрастным В. М. Чернов считал обвинение революционной интеллигенции в нигилизме по отношению к моральным, духовным и эстетическим ценностям. В русском зарубежье были публикации и острее «Ignorantia est». В Аргентине в начале 1950-х гг. писатель из второй «волны» Б. Башалов (Борис Платонович Юркевич) (1908–1970) напечатал в собственном издательстве «Русь» книгу «Незаслуженная слава: мысли внутреннего эмигранта о русской интеллигенции» и дал куда более беспощадную оценку.

Ожесточенная дискуссия началась на страницах русских эмигрантских изданий в 1959–1961 гг. после публикации известным философом Ф. А. Степуном статьи «Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции»[38]. На эту работу Н. И. Ульянов и написал вышеупоминавшиеся эссе «Ingorantia est», в котором выступил со «сверхвеховских» позиций против прогрессивной и революционной интеллигенции, обвинив ее в порождении большевизма и феномена В. И. Ленина. В свою очередь философ Ф. А. Степун незамедлительно ответил новой публикацией «Суд или расправа?»[39]. Появилась и критические рецензия популярного в эмиграции публициста и писателя В. С. Варшавского[40] и литератора М. Кантора[41]. Но научное течение дискуссии было прервано рядом статей авторов «Социалистического вестника»[42].

Бурная реакция публицистов этого журнала эсеров и меньшевиков, имела большую подоплеку. Еще в конце 1940-х гг. Н. И. Ульянов как представитель второй «волны» впервые опубликовался в эмиграции в журнале «Социалистический вестник»[43], правда, в порядке дискуссии. Многие авторы этого журнала открыто высказывали мнение: вторая эмиграция – «фашистская и большевистская сволочь», а сам М. В. Вишняк при первом знакомстве с Н. И. Ульяновым старательно подчеркивал «вся без исключения», что, впрочем, не помешало ему предложить Н. И. Ульянову сотрудничество в «Социалистическом вестнике»[44]. Не могли простить и крылатой ульяновской фразы, характерной для всей второй «волны»: «Никакого научного неутопического социализма не было и нет, всякий социализм – синоним утопии»[45]. Другой почвой для острого конфликта снова стал вопрос о «партийности» журнала «Современные записки» и обвинения редакции в политической цензуре. 10 июня 1956 г. на собрании журнала «Опыты» обсуждался вопрос – почему из романа В. В. Набокова – Сирина при публикации в «Современных записках», вырезали главу о Н. Г. Чернышевском. Мнение собравшихся (как из второй эмиграции: Н. И. Ульянова, М. М. Корякова, В. К. Завалишина, так и из первой: Ю. П. Иваска) было однозначным – самая классическая партийно-политическая цензура. М. В. Вишняк последний живой редактор, забился в истерике. Вот как описывает через семь дней Ю. П. Иваск в письме литературоведу В. Ф. Маркову это событие: «На меня большое впечатление произвел Вишняк – еще недавно он был моложавый самодовольный адвокат – социалист, а тут явился рыдающим Иеремией. Я постарался его успокоить. Что делать – Чернышевский для него как Никола для бабы. Это вера»[46]. В начале следующего года М. В. Вишняк начал мстить Н. И. Ульянову, написав отзыв на его статью «Патриотизм требует рассуждения»[47] – «О национальном сознании»[48], трафаретно выдвинув обвинение в национализме. Н. И. Ульянов вынужден был пояснить смысл своей статьи, что патриотизм чувство органическое: оно либо есть, либо его нет, а воспитать у взрослого человека любовь к родине невозможно[49]. Однако М. В. Вишняк не успокоился и в своей новой статье «Ответ оппонентам»[50] снова заклеймил всех своих противников.

Показателен в этом отношении скандал, связанный с переизданием исторического романа Р. Б. Гуля «Азеф»[51] – переработанного произведения «Генерал БО». В нем давалась очень нелицеприятная оценка эсеровскому терроризму, в частности и идее русской революции вообще. Рецензентом на книгу Р. Б. Гуля в главной нью-йоркской газете выступил профессиональный историк из второй «волны» эмиграции, профессор Йельского университета Н. И. Ульянов, на которого «Азеф» произвел огромное впечатление[52]. В своей ответной рецензии «Азеф и партия С.-Р. в изображении Р. Гуля»[53] М. В. Вишняк вылил ушаты грязи на автора и рецензента и заклеймил роман как «политическую Лолиту», с низменным сюжетом, посвященным болезненным и уродливым страстям, а Н. И. Ульянова обвинил в лизоблюдстве и низкопоклонстве перед глав-

ным редактором «Нового журнала»[54]. Подобные заявления М. В. Вишняка поставили отношения с Р. Б. Гулем и Н. И. Ульяновым на грань отрытой вражды, но окончательный конфликт произошел по другому поводу.

М. В. Вишняк прочитал в гранках «Ingorantia est» и, обидевшись в очередной раз за «шестидесятников», народников и эсеров, тут же напечатал статью «Суд скорый и неправый над русскою интеллигенцией»[55], превозносившую интеллигентов-революционеров и ругающую всех «веховцев» от П. Б. Струве до Н. И. Ульянова. Как справедливо заметил писатель Б. Башилов: «Живущие заграницей члены Ордена (революционной интеллигенции. – *П. Б.*) немедленно набросились на Н. Ульянова с целью всячески дискредитировать его утверждения и его самого лично, и всячески затемнить сущность спора. Подобная тактика членов Ордена вполне понятна»[56]. Вместо того, чтобы по пунктам ответить или хотя бы разобрать постулаты Н. И. Ульянова, они перешли на личные оскорбления и подтасовки биографических сведений. Главный редактор «Социалистического вестника» Р. Абрамович под криптонимом «Р. А.» выступил с заметкой «Неумная выходка»[57] о последнем эссе Н. И. Ульянова. Самыми же скандальными были статьи другого лидера меньшевиков – Б. И. Николаевского «Об общественном и личном (вынужденный ответ Н. Ульянову)»[58] и «Общее значение частного спора»[59], в которых он обвинил Н. И. Ульянова во всех смертных грехах, вплоть до сотрудничества с НКВД и гестапо, дописавшись до того, что исторический журнал «Борьба классов» (один из предшественников «Вопросов истории») назвал главным сталинским идеологическим изданием!? Здесь уже в полемику стали вмешиваться новые лица. Литературовед Р. В. Плетнев, возмущенный бездоказательными обвинениями, пишет статью «Об атаках на Н. Ульянова»[60]. Главный редактор «Нового русского слова» М. Е. Вейнбаум перестает печатать в своей газете М. В. Вишняка, Б. И. Николаевского и их сторонников за некорректное ведение дискуссии. Н. И. Ульянов получает возможность ответить оппонентам и клеветникам в статьях «Дискуссия или проработка»[61] и «Необъяснимое»[62]. Неожиданно против М. В. Вишняка выступил литературный критик В. К. Завалишин («О ревизионистах и „консерваторах“ слева»[63]), который хотя и отрицательно относился к творчеству Н. И. Ульянова, но тоже был возмущен позицией эсеров и меньшевиков, по которой любой эмигрант, живший под советской властью, – коммунист и агент НКВД, а любой попавший в эмиграцию в 1941–1945 гг. – нацист. М. В. Вишняк ответил еще одной «программной» статьей «Русская интеллигенция и ее хулители»[64], снова заклеймив своих оппонентов и попытавшись снять ответственность за Октябрьскую революцию и ее последствия с эсеров.

Обсуждение статьи Н. И. Ульянова тем не менее продолжалось. С критикой выступили представитель второй волны эмиграции Н. И. Осипов «Чрезмерность обличения»[65], публицист Е. Ананьин (Чарский) «Что такое интеллигенция?»[66] и автор, скрывшийся под криптонимом «А. П.», «Об интеллигенции и „интеллигенции“»[67]. Среагировал отзывом в постоянной рубрике «Литературный дневник» и ведущий литературный критик журнала «Возрождение» В. А. Злобин[68].

Окончательную черту подвела статья Н. И. Ульянова «Дело Ульянова»[69], давшая впоследствии название этой дискуссии. М. В. Вишняк, правда, на этом не успокоился и уже через несколько лет в своих воспоминаниях попытался свести счеты с Р. Б. Гулем и, главное, с Н. И. Ульяновым, не забыв и редактора альманаха «Воздушные пути» Р. Н. Гринберга[70].

Основой для дискуссии стало намеренное или невольное непонимание самого термина. Путаница с определением и смешение «революционного ордена», социального слоя, людей с высшим образованием и интеллектуалов давали пространство, где могла разгуляться публицистическая мысль. Последние представители революционных партий, оказавшиеся в эмиграции, не могли не согласиться с «веховством» даже после революции 1917 г. Позиция же Н. И. Ульянова в ее остром полемическом ракурсе вызвала не научное обсуждение, а классическое интеллигентское выяснение отношений. Материалы дискуссии 1959–1961 гг. не только продолжают «веховскую» традицию, но и развивают ее на принципиально новом этапе.

Друг Н. И. Ульянова журналист М. М. Коряков в юбилейной статье, посвященной историку, вспоминал, как тот подвергся шквальному огню из стана социалистов-меньшевиков, испытывал большое давление, вызывал большие страсти, но тем не менее журналист писал: «Я лично завидую Н. И. Ульянову как раз за то, что он сделан из такого крепкого материала, не поддающегося никакому давлению, никакой „штамповке“»[71]. Именно по поводу поведения историка в этой ситуации М. М. Коряков и написал: «Значительней всего вот этот урок, который Ульянов преподает нам всем – урок внутренней свободы!».

Примечания

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00575.

[2] Ульянов Н. Ingorantia est // Воздушные пути. Нью-Йорк, 1960. № 1. С. 223–247.

[3] Ульянов Н. Ingorantia est // Ульянов Н. Диптих. Изд. авт. Нью-Йорк, 1967. С. 189–208.

[4] Ульянов Н. Интеллигенция // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1960. 7 февр. С. 2.

[5] Там же. 16 апр. С. 2.

[6] Ульянов Н. Ingorantia est // Воздушные пути. С. 223.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Федотов Г. П. Загадки России // Россия и свобода. New York, 1981. С. 150.

[12] Там же.

[13] Ульянов Н. Ingorantia est // Ульянов Н. Диптих. С. 192.

[14] Там же. С. 193.

[15] Ульянов Н. Ingorantia est // Воздушные пути. С. 247.

[16] Там же.

[17] Иванов В. Красный лик: мемуары и публицистика. СПб., 2015. С. 650.

[18] Ульянов Н. Ingorantia est // Воздушные пути. С. 243.

[19] Оболенский С. Рецензия // Возрождение. 1968. № 194. С. 116. Рец. на кн.: Ульянов Н. Диптих. Нью-Йорк. Изд. автора, 1967. 288 с.

[20] Columbia University Libraries. Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive (BAR). Papers of Gregor Aronson (1887–1968). Catalog correspondence. Box. 52: SAPIR: Aronson, Gregor. Subject files: Меньшевики в эмиграции: набросок ст.: листок в тетр., карандаш от руки. Л. 1–1 об. Бумаги Грегор Аронсон: кат. переписки.

[21] Ульянов Н. Ingorantia est // Ульянов Н. Диптих. С. 194.

[22] Оболенский С. Указ. соч. С. 116.

[23] Памяти М. А. Алданова // Спуск флага. New Haven: N. Oulianoff, 1979. С. 145.

[24] Там же. С. 146.

[25] Ульянов Н. Ingorantia est // Ульянов Н. Диптих. С. 199.

[26] Там же. С. 194.

[27] Фетотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 2. С. 173–174.

[28] Ульянов Н. Ingorantia est // Ульянов Н. Диптих. С. 195.

[29] Там же. С. 202.

[30] Ермичев А. А. Русское зарубежье: дискуссия об интеллигенции в 1959–1961 гг. // Вестн. Рус. христиан. гуманит. акад. 2013. Т. 14, вып. 2. С. 176.

[31] Ульянов Н. Интеллигенция. С. 2.

[32] Там же. С. 2.

[33] Там же. С. 2.

[34] Ульянов Н. Ingorantia est // Ульянов Н. Диптих. С. 195.

[35] Ульянов Н. Ingorantia est // Воздушные пути. С. 234.

[36] Чехов А. П. Письмо И. И. Орлову, 22 февр. 1899 г., Ялта // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1980. Т. 8: Письма, 1899. С. 99–101. URL: http://chehov.niv.ru (дата обращения: 06.02.2017).

[37] Ульянов Н. Интеллигенция. С. 2.

[38] Мосты. Мюнхен, 1959. № 3. С. 171–188.

[39] Рус. мысль. Париж, 1960. 8 марта, № 1496. С. 3–4.

[40] Варшавский В. Рецензия // Новый журн. 1959. № 58. С. 243–246.

[41] Кантор М. Воздушные пути // Рус. мысль. 1960. 5 янв., № 1469. С. 7.

[42] Подробнее см.: Комаровцев П. В. Вступление // Вишняк М. Годы эмиграции, 1919–1969, Париж–Нью-Йорк: воспоминания. СПб., 2005. С. 7–14.

[43] Ульянов Н. К национальному вопросу // Соц. вестн. Нью-Йорк, 1948. № 6. С. 115–156.

[44] Ульянов Н. Дело Ульянова // Новое рус. слово. 1961. 5 янв. С. 2.

[45] Ульянов Н. И. Мертвые слова // Свиток. Нью Хэвен, 1972. С. 129.

[46] Марков В. Ф., Вишняк М. В. Мир на почетных условиях…: переписка В. Ф. Маркова с М. В. Вишняком, 1954–1959 гг. / публ. О. Королева, Ж. Шерона // Диаспора: нов. материалы. Париж; СПб., 2001. Вып. 1. С. 563.

[47] Новый журн. Нью-Йорк, 1956. № 47. С. 216–230.

[48] Новое рус. слово. 1957. 17 марта. С. 3.

[49] Ульянов Н. О разумном и неразумном // Новое рус. слово. 1957. 7 апр. С. 7–8.

[50] Новое рус. слово. 1957. 28 апр. С. 5.

[51] Гуль Р. Азеф. Нью-Йорк: Мост, 1959. 320 с.

[52] Ульянов Н. [Без заглавия] // Новое рус. слово. 1959. 6 дек. С. 3, 7. В 2001 г. принадлежавший Н. И. Ульянову экземпляр книги Р. Г. Гуля «Азеф» с его пометками и замечаниями на полях и с дарственной надписью автору настоящей статьи подарила Надежда Николаевна Ульянова, вдова Н. И. Ульянова. Из контекста замечаний на полях книги можно утверждать, что роман Р. Б. Гуля поразил историка.

[53] Соц. вестн. Нью-Йорк, 1960. № 1. С. 8–12.

[54] Там же. С. 11.

[55] Там же. 1959. № 12. С. 235–238.

[56] Башилов Б. Масонство и русская интеллигенция. Буэнос-Айрес: Русь, 1960. С. 27. URL: http: // rulit. me (дата обращения: 06.02.2017).

[57] Соц. вестн. Нью-Йорк, 1960. № 2/3. С. 52.

[58] Там же. № 11. С. 220–224.

[59] Николаевский Б. И. Общее значение частного спора // Новое рус. слово. 1960. 21 февр. С. 2, 5; То же // Рус. мысль. 1960. 25 февр., № 1491. С. 3.

[60] Новое рус. слово. 1960. 7 марта. С. 3.

[61] Там же. 13 марта. С. 2.

[62] Там же. 16 апр. С. 2.

[63] Там же. 20 марта. С. 7.

[64] Рус. мысль. 1960. 22 марта, № 1502. С. 5.

[65] Новое рус. слово. 1960. 6 апр. С. 2.

[66] Рус. мысль. 1960. 30 апр., № 1519. С. 3.

[67] Новое рус. слово. 1960. 8 мая. С. 2.

[68] Возрождение. 1960. № 98. С. 134–144.

[69] Новое рус. слово. 1961. 5 янв. С. 2.

[70] Вишняк М. В. Годы эмиграции 1919–1969, Париж–Нью-Йорк: воспоминания. Stanford: Hoover institution press, 1970. С. 242–244, 254, 257.

[71] Коряков М. Привет Н. И. Ульянову // Новое рус. слово. 1975. 5 янв. С. 3.